

А. И. МИКОЯН

Времена Брежнева

<Фрагмент>

После ухода Хрущева и последовавших перемещений в руководстве роли распределились следующим образом: Брежнев стал первым секретарем ЦК, Косыгин занял пост Председателя Совмина, Подгорный — второго секретаря ЦК, хотя официально такого поста в партии не было. Я оставался Председателем Президиума Верховного Совета СССР. На эту должность Хрущев уговорил меня перейти летом 1964 г. с целью превратить Верховный Совет в действующий парламент. Он говорил: «Почему буржуазия умнее нас? У них парламенты создают впечатление участия народа в управлении. Это, конечно, фикция, но очень здорово показывает народу, что он может влиять, и даже решающим образом. Почему же наш парламент только штампует решения ЦК и правительства? Министры чихать хотели на наш парламент, а в Англии они отчитываются перед парламентом, отвечают на их запросы и т. д. Почему нам тоже не сделать так, чтобы Верховный Совет вызывал для отчета, пропесочивал бы их. Более того, он может и вносить предложения в правительство об изменении каких-то решений». Хрущев рассуждал совершенно правильно. Это пример того, что у него появлялись прекрасные новаторские идеи.

«Чтобы осуществить это нелегкое дело, — продолжал далее Хрущев, — надо много энергии и труда вложить, сломить сопротивление аппарата. Для этого нужен авторитетный и решительный человек». По его мнению, с этим могли справиться только два человека: или он, или я. Но он не мог совмещать три должности. И вообще такое новое дело требовало, чтобы ему посвятить все время, ни с чем его не совмещаая.

Мне его идея понравилась, я счел ее очень своевременной и полезной для демократизации в стране. Поэтому я согласился, и, пока Хрущев был у власти, я энергично взялся за это дело.

С первых же дней для начала я превратил приемы послов с верительными грамотами из чисто протокольных в политические мероприятия. Потребовал у МИДа подробных справок по проблемам тех стран, о которых я мало знал и чьи послы просились на прием. С послами великих держав мне было легче, потому что как член Президиума ЦК я был в курсе основных проблем из шифровок наших послов и других материалов. И все равно требовал дополнительный материал из МИДа. Некоторые послы уже после моей отставки рассказывали мне на приемах, что я их ставил в трудное положение: они не готовились к серьезному разговору, зная, что практика чисто протокольных бесед утвердилась в Верховном Совете.

Так, в конце 1960-х гг. английский посол¹ на приеме в его посольстве в честь Гарольда Вильсона напомнил мне, в какое сложное положение я его поставил, когда он пришел вручать верительные грамоты и совершенно не был готов к серьезной беседе. Прежние Председатели Президиума беседовали о погоде, беседы шли, можно сказать, несколько минут, главным образом, чтобы сделать памятные фотографии. И английский посол ожидал того же. А я навязал ему трудную политическую беседу, в частности, как он вспоминал, по германскому вопросу.

Мои помощники собирали материал о правилах и нормах парламентской жизни в буржуазных странах, я даже поручил им собрать материал по статусу президента в тех разных странах, где он есть. Хрущев одобрил мою идею обдумать вопрос о переименовании Председателя Президиума в Президента. Соответственно каждый республиканский глава Верховного Совета становился бы президентом у себя в республике и вице-президентом СССР. Это должно было импонировать республикам, поднять их статус.

Но уже через несколько месяцев Хрущев ушел, а новое руководство не было заинтересовано в этих идеях. Эти руководители оказались даже меньшими демократами, чем «полудиктатор» Хрущев. Так новый стиль приема послов и остался практически единственным изменением в Верховном Совете. Такая работа мне была неинтересна.

Правда, я работал и в Президиуме ЦК, и это по-прежнему было важно. Но новый Первый секретарь оказался довольно безразличным к государственным делам, к работе. Вот тут я и вспомнил, как Гай Туманян, брат Ашхен, рассказывал мне, как он, будучи заместителем начальника Бронетанковой академии, попал однажды на прием к Леониду Ильичу Брежневу, когда тот в ЦК отвечал за военные дела. Гай вспоминал, что он основательно подготовился, выделил наиболее важные вопросы, требовавшие

решения. Начал докладывать и вдруг увидел в глазах собеседника такую тоску и равнодушие, что резко свернул доклад и быстро его закончил, не задавая всяких сложных вопросов. Только тогда Брежнев оживился, стал говорить какие-то хорошие слова. А Гай удивлялся потом: «Я бы за такой доклад выругал, спросил бы: ну и что? В чем суть ваших проблем? Что вы предлагаете? Вообще, зачем пришли? А тот был очень доволен, что я не продолжил, как начал».

Кроме Гая мне и другие рассказывали о подобных случаях. На Президиуме ЦК это было не так заметно, потому что Брежнев просто поддакивал Хрущеву. Правда, еще когда Молотов был там, то однажды так одернул Брежнева, что тому стало плохо, чуть не обморок у него был.

С приходом на пост первого секретаря Брежнева уровень ведения заседаний и обсуждений на Президиуме заметно понизился. Правда, тут я ощущал пока свою полезность, потому что иногда высказывались совершенно сумасбродные идеи, а Брежнев и некоторые другие просто не понимали по-настоящему, какие последствия могли бы быть. Приведу несколько примеров.

В середине мая 1965 г. США усилили бомбардировки Северного Вьетнама и начали вооруженную интервенцию в Доминиканскую Республику. Это вызвало резонанс в Президиуме ЦК и в правительстве. Многие были заметно возбуждены. На заседании Президиума ЦК КПСС выступил министр обороны Малиновский с оценкой положения и с предложениями, как потом оказалось, по поручению первого секретаря ЦК Брежнева. Доклад у министра был в письменной форме, он его зачитал, но кое-что добавил и от себя.

На мой взгляд, оценка положения была дана неправильная. Смысл того и другого события был искажен, значение преувеличено, оба события истолковывались, по сути дела, как шаг американцев к столкновению с нами. Утверждалось, что нам нельзя ограничиваться тем, что мы делаем сейчас, помогая Вьетнаму, что после доминиканских событий следует ожидать акций, направленных против Кубы. Поэтому мы должны активно противодействовать американцам.

Предлагалось на Западе (в Берлине и на границе с Западной Германией) провести военные демонстрации, перекинуть некоторые части — воздушно-десантные и другие — с нашей территории в Германию, в Венгрию. Министр подчеркнул, что нам нужно быть готовыми ударить по Западному Берлину. Потом от себя добавил, что «вообще нам в связи с создавшейся обстановкой следует не бояться идти на риск войны».

Эти слова Малиновского меня поразили.

Сославшись на позднее время и важность вопроса, я предложил предварительно обдумать и в следующий раз специально обсудить этот вопрос.

Через неделю это было сделано. Министр доклад повторил, но там уже не говорилось о риске войны и о Западном Берлине. Речь шла о демонстрационных мерах, об учениях войск и пр. Предложенные меры, конечно, могли быть проведены и какое-то впечатление могли произвести, но не имели бы никакого результата, кроме отрицательного.

После Малиновского в том же духе выступил Брежнев, затем выступил и я. Сказал, что требуется трезвая оценка обстановки. Что касается Вьетнама, то сами вьетнамцы говорят, что готовы вести борьбу 10 лет и дольше, до полного освобождения страны. Возможности китайцев же, естественно, еще большие. Поэтому не надо так горячо на это реагировать, надо быть более спокойными.

«К тому же, — подчеркнул я, — мы сами не можем принять никаких мер, поскольку без согласия и содействия Китая это невозможно. А он, конечно, не даст согласия на ввод наших частей во Вьетнам. Да и сами вьетнамцы, как вы знаете, отказались от наших сил, которые мы им предлагали. Что касается Кубы, то, конечно, американцы, и в первую очередь Джонсон, хотел бы с Кубой расправиться, но я не вижу данных, которые говорят о том, что американцы готовятся напасть на Кубу».

Говоря о Доминиканской Республике, я сказал, что мы с ней никакими обязательствами не связаны, но ведем всю необходимую борьбу против американцев в защиту Доминиканской Республики в Совете Безопасности политическими средствами. И Кастро очень доволен нашей позицией в этом конфликте.

Я выразил удивление и неудовольствие по поводу тона доклада и предложений министра.

«Все предложенные меры не дадут никакого эффекта, если не иметь сознательной целью начать третью мировую войну, но должны ли мы воевать в Европе против американцев, когда они повода прямого не дают, ведут себя вполне прилично и в Берлине, и в других странах, где находятся наши войска? И разве не ясно, что это станет началом третьей мировой войны?»

Главный смысл всей нашей политики — сохранить мир для Советского Союза и тех социалистических стран, с которыми мы имеем прямые договоры об обороне. Если, например, нападут на ГДР, Чехословакию и другие соцстраны, то, конечно, мы должны будем воевать».

Я предложил никаких мер не принимать, а если есть планы учений войск и других подобных мероприятий, то провести

их в назначенные ранее сроки. Что же касается предложения созвать Консультативный комитет Варшавского пакта, против этого я не возражал, поскольку созыв через полгода очередной сессии будет естественным. Там и обсудить с союзниками вопрос о нынешней обстановке и другие вопросы, но нам не следует им предлагать что-либо из того, о чем говорил министр обороны. Можно спросить, что они думают по поводу действий США, и выслушать их предложения. Я сказал, что убежден, что ни Польша, ни Чехословакия, ни другие страны не поддержат предложения, высказанные нам здесь.

Выступил также Косыгин, сказав, что ведь когда-то Сталин начал блокаду Западного Берлина, но вынужден был отступить, при этом мы потеряли наш престиж. Неправильно сделал и Хрущев в 1958 г. и в 1961 г. после выступления Кеннеди по поводу увеличения количества оккупационных войск. Это не привело к поднятию нашего престижа, а наоборот.

Подгорный и Суслов высказались в том же духе.

Договорились через месяц-полтора провести очередное Консультативное совещание, но такого рода предложений не вносить.

После отстранения Хрущева кое-кто в Президиуме, например Шелепин — это я точно помню, высказал мысль, что отношения с КНР обострились по вине Хрущева. Поэтому было решено предпринять кое-какие меры по налаживанию межгосударственных отношений. Я был особого мнения о причинах конфронтации между КНР и СССР, но предпринять шаги к улучшению отношений считал правильным. Но то, что было предложено, меня просто поразило.

В середине июня 1965 г. на заседании Президиума ЦК был поставлен вопрос о том, что хорошо было бы передать ЦК компартии Китая и правительству Китая предложение о подписании договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Китаем, в котором было бы заявлено, что всякое нападение на Китай будет рассматриваться как нападение на Советский Союз. Тем более что фактически такое заявление было сделано Хрущевым в 1958 г.

Очень возможно, что китайцы это дело не примут в данных условиях, но зато отказ разоблачит их в еще большей степени и укрепит наш авторитет и влияние в других социалистических странах и коммунистических партиях.

По этому поводу я высказал следующее.

Между односторонним заявлением, сделанным Хрущевым семь лет тому назад, когда наши отношения с Китаем были хорошие, и формальным договором между нашими государствами сейчас — большая разница. Нужно иметь в виду, что китайцы

всячески стараются нас столкнуть с американцами. Они могут использовать такой договор, чтобы втянуть нас в военные действия с Соединенными Штатами.

Нельзя исходить из того, что китайцы обязательно не примут этого договора, могут и принять. Поэтому лучше исходить из того, что примут, — хотя я лично склоняюсь к тому, что не примут. Но могут принять и предложить, чтобы такой же договор был подписан одновременно с ДРВ. В нынешних же условиях такой договор с ДРВ означал бы прямое вступление наше в войну с американцами. Пойти на такой договор с Вьетнамом нельзя. И я думаю, что если нам это предложат, то нам придется тогда отказаться, а значит, поставить себя в очень трудное положение.

А могут китайцы и такой номер выкинуть: трехсторонний договор между СССР, Китаем и Вьетнамом. Вот почему рискованно такой шаг делать.

У нас уже есть договор с Китаем против агрессии Японии и союзнических держав.

Когда я был в Японии, то мне заявляли руководящие деятели правящей партии и государства, что, по их мнению, этот договор потерял силу, хотя, может быть, я неточно цитирую сейчас.

На реплику Косыгина, что по этому договору мы должны воевать против американцев в случае их нападения на Китай, поскольку они являются военными союзниками Японии, я заявил: «Этот их военный договор предусматривает только защиту со стороны США безопасности Японии и не предусматривает, чтобы Япония участвовала на стороне США в войне с другими государствами. Конституция Японии запрещает отправку японских войск за границу. Японцы не участвуют поэтому и во вьетнамской войне. А в случае войны Америки с другим государством также могут не участвовать, ибо это не вытекает из их договора. Так же это было и во время корейской войны, японцы в ней не участвовали.

Наконец, такое предложение, когда все наши предыдущие предложения о сближении с китайцами были отвергнуты ими в грубой форме, теперь повторенное в таком плане, будет истолковано китайцами как проявление нашей слабости. Они поймут так, что мы никак не можем без дружбы с Китаем держаться, поэтому ищем новые и новые средства.

К тому же они прямо призывают к свержению нынешнего руководства нашей страны и думают: не исключено, что могут прийти другие люди, которые будут согласны с китайской позицией и примут их условия. Прямо пишут, что наша партия и правительство уже переродились, стали буржуазные, отражают буржуазные интересы правящих кругов и интеллигенции и что

борьба с нами — это классовая борьба. Ведь не случайно они открыто пишут теперь: “Чтобы уничтожить империализм, надо до этого уничтожить ревизионизм КПСС”. Таким образом, КПСС является врагом № 1 в сравнении даже с империализмом.

К тому же заключение такого пакта с Китаем наш народ также не поймет, поскольку будет опасаться, что мы можем быть вовлечены в большую войну через военный договор с Китаем».

Меня поразило тогда выступление Громыко, который сказал, что нынешняя международная обстановка аналогична предвоенной ситуации. Я высказал удивление такой оценкой нынешнего положения со стороны министра иностранных дел. Ведь американцы избегают всякого конфликта с нами в Европе и везде, где бы ни находились наши войска. И почему нужно считать — то, что они делают в Доминиканской Республике, направлено против нас? Это отражает их понимание своих интересов в Латинской Америке и вовсе не похоже на предвоенную ситуацию, когда готовилось нападение Гитлера на Советский Союз и другие страны.

Наконец, война во Вьетнаме также не показатель предвоенной ситуации. Во-первых, они давно ее ведут; во-вторых, сами вьетнамцы готовы воевать чуть не десять лет, а китайцы даже добиваются этого; ведь чем дольше останутся американцы связанными во Вьетнаме, тем лучше для них*.

Неправильное толкование, неправильная оценка нынешней ситуации может привести к неправильному, даже опасному политическому шагу.

На заседании Президиума ЦК КПСС в августе 1965 г., где присутствовали члены Президиума ЦК, секретари ЦК и кандидаты в члены Президиума ЦК, в том числе и работающие на местах, поздно вечером, когда повестка дня уже была исчерпана, был поставлен вопрос о письме первого секретаря ЦК КП Украины Шелеста, разосланном членам Президиума ЦК КПСС раньше. В том письме Шелест, ссылаясь на то, что на международных форумах многие страны, которые не торгуют с Советским Союзом, обращаются к украинским представителям с предложением заключения торговых соглашений с Украиной, не называя при этом ни одной страны и ссылаясь на высокий международный престиж Украины — она член учредитель ООН, — предлагает предоставить право Украине выступить самостоятельно на внешнем рынке. Он критикует Минвнешторг и просит поручить заинтересованным организациям представить соответствующие предложения.

* — Да и для нас тоже! — добавлял А. И. Микоян дома. — *Примеч. С. А. Микояна.*

Письмо было послано в отсутствие Брежнева, когда тот находился в отпуске в Крыму. Замещавший его Подгорный, получив письмо Шелеста, поручил ВСНХ СССР, Госплану СССР и Минвнешторгу представить свои соображения.

Новиков, Ломако и Патолитчев дали внешне корректную, а по существу резко отрицательную оценку этому предложению Шелеста.

Я выразил недоумение по поводу появления такого письма Шелеста и заявил, что оно противоречит принципам монополии внешней торговли СССР. Брежнев сказал, что не знал о поступлении этого письма и что Подгорный (как он ему уже говорил) не должен был посылать это письмо на заключение ведомствам.

Выступил Шелест. Он сказал, что, получив записку с резко отрицательной политической оценкой своего письма, был удручен и удивлен. Он не имел в виду такого смысла в своих предложениях, исходил из деловых интересов. Письмо ему подготовили товарищи из Министерства иностранных дел Украины.

Хотя этот вопрос на Президиуме ЦК КП Украины и не обсуждался, но члены Президиума знали, что он пишет такое письмо. «Сейчас я чувствую, — заявил он, — что это письмо ошибочное, понимаю ошибку и готов взять это письмо обратно».

Я взял слово и сказал, почему меня поразило это письмо Шелеста. Еще 42–43 года тому назад (я был участником обсуждения этого вопроса в ЦК) в партии были исчерпаны разногласия и отвергнуты все предложения против монополии внешней торговли в Советском Союзе². Очень удивляет, что этот вопрос теперь возникает. Считаю, что заявление товарищей резкое, но по существу они дают правильную политическую оценку предложению Шелеста. Однако ввиду того что Шелест сам признает ошибочность своего предложения, предлагаю принять к сведению, что Шелест берет обратно это свое письмо.

Обращаясь к Шелесту, я сказал: «Товарищ Шелест, вы обязаны, ваш долг, приехав в Киев, обсудить и сообщить обо всем этом членам Президиума ЦК КП Украины, навести настоящую самокритику в связи с той политической ошибкой, которая вытекает из вашего предложения, и сделать необходимые выводы в своей работе из этого».

Потом выступил Демичев, который, кроме того что присоединился к отрицательной оценке письма, развернул вопрос, утверждая, что на Украине и в самом ЦК КП Украины процветает национализм. Он говорил, что в аппарате ЦК КП Украины почти не осталось русских (Шелест дал реплику, что это неправильно), привел такой факт, что недавно сын Ивана Франко (ученый или писатель³) и один врач обратились к депутатам Совета национально-

стей по вопросу о национальных языках в республиках, настаивая на том, чтобы национальные языки преподавались во всех школах республик, а также в вузах, то есть чтобы на Украине преподавался украинский язык, а не те языки, которые соответствуют желанию родителей учащихся. Демичев обвинил в этом ЦК Украины, хотя это было письмо нескольких интеллигентов, не являющихся членами ЦК, и за их письмо ЦК не может нести ответственности, что я и отметил. Шелест также возмущался таким подходом.

Демичев заявил далее, что недавно в Киеве Московская и Советская улицы и ряд других переименованы, им дали имена украинских писателей (Шелест заявил, что он не знает об этом, не слыхал, придет и разберется).

Демичев стал говорить, что секретарь ЦК Украины по пропаганде Скаба очень плохо выступил с точки зрения национальной политики на совещании в ЦК. На реплику Подгорного, что ведь недавно на его запрос Демичев сказал, что Скаба очень хорошую речь произнес на этом совещании, Демичев ответил: «Это правильно, но это касается последнего совещания, а то выступление Скабы, которое я критикую, было полгода тому назад, на другом совещании».

Дело дошло до того, что, критикуя уже Подгорного, Демичев сказал, что Подгорный предложил недавно министру кинематографии СССР поехать в Киев и обсудить там идеологические вопросы кинематографии. Выходит, что союзный министр должен получать указания по идеологическим вопросам в Киеве! (Подгорный дал реплику: он министра туда не посылал и просит, чтобы была učinена проверка по этому вопросу.)

Потом выступил Шелепин и заявил, что он согласен со всеми, но считает это дело более крупным, и нельзя поэтому отделяться таким предложением, которое внес Микоян. Он стал критиковать Подгорного за то, что он послал на заключение такое письмо Шелеста, а это значит по существу, что он был согласен с ним. За эту политическую ошибку несет ответственность не только Шелест, но и Подгорный.

Шелепин далее говорил с раздражением против Подгорного: на каком основании второй секретарь ЦК КПСС (я дал реплику, что у нас нет второго секретаря ЦК, и другие подтвердили, что нет второго секретаря) курирует Украину? Теперь невозможно ни в ЦК, нигде вмешаться в дела Украины из-за этого.

Он стал приводить факты, как украинские организации нарушают план поставок в другие республики, а для себя перевыполняют. Сильно критиковал Председателя Совмина Украины за нарушение союзных порядков. Оказалось, что у Шелепина подготовлена це-

лая записка по украинским вопросам. В этой записке приведены факты нарушения поставок угля, металла и другого из Украины.

Он также стал нападать на Шелеста за то, что он внес предложение об уменьшении фонда поставок мяса в общесоюзный фонд, чтобы увеличить торговлю на Украине.

Брежнев сказал, что Украина потребляет мяса на душу населения больше, чем другие союзные республики, — 45 кг, в то время как Узбекистан — 23 кг, Армения — 25 кг и т. д.

Шелепин заявил: дело дошло до того, что в Севастополе при вручении награды Черноморскому флоту, флоту русской славы, все выступления были на украинском языке. Подгорный дал реплику, что это неправильно, что он сам был на этом празднике, все выступления, в том числе и Шелеста, и секретаря Крымского обкома партии, и всех других товарищей, были на русском языке. Только приветствие от ЦК КП Украины было на украинском языке.

Шелепин сказал, что все-таки на Украине из 40 млн по переписи 9 млн человек других национальностей, из них 8 млн человек русских, а в Крыму русских больше, но передачи по радио, телевидению ведутся на украинском языке. Насаждается в ущерб русскому языку украинский.

Здесь явно националистическая линия во всех вопросах, сказал далее Шелепин, не только в отношении внешней торговли, но и в отношении внутренней политики, идеологии.

Необходимо выехать одному-двум членам Президиума ЦК на Украину, созвать пленум ЦК КП Украины и по-настоящему разобраться в этих вопросах. Здесь же необходимо принять развернутое решение с политической оценкой ЦК указанных ошибок Шелеста и Подгорного.

Затем выступил Рудаков, который стал вспоминать факты, которые были более 10 лет тому назад, когда он работал на Украине, в Донбассе, как заставляли старых рабочих изучать украинский язык. Словом, Рудаков стал подтверждать, что на Украине процветает национализм.

Выступил Подгорный. Оправдываясь, он сказал, что, когда получил письмо Шелеста, был очень занят и потому бегло посмотрел его.

Конечно, он считает ошибочным такое письмо Шелеста; ни тогда, ни теперь не разделял такие взгляды. Его ошибка лишь в том, что он не вник в суть письма и послал его на заключение. «Я должен был не рассылать это письмо, — сказал Подгорный, — а обсудить его в Президиуме, без требования заключения ведомств».

Устинов выступил в таком же духе. Косыгин и Брежнев, осуждая это письмо, выступали более умеренно. Брежнев сказал, что сомне-

вается, надо ли созывать пленум ЦК КП Украины. Он высказался за то, чтобы было принято решение ЦК КПСС по этому вопросу, и предложил подготовить проект такого решения Секретариату ЦК.

21 октября 1965 г. Президиум ЦК КПСС принял следующее решение:

«О записке первого секретаря ЦК КП Украины т. Шелеста П. Е. от 2 августа 1965 г.

Президиум ЦК КПСС считает, что предложение т. Шелеста П. Е., изложенное в его записке об организации непосредственных внешнеэкономических связей Украины с зарубежными странами, является неправильным и политически ошибочным.

Президиум ЦК отклоняет это предложение.

Принять к сведению заявление т. Шелеста П. Е. о том, что он признает неправильным внесенное им предложение и осуждает его.

Ограничиться обсуждением этого вопроса на Президиуме ЦК».

Кроме низкого политического уровня и явного налета великодержавного шовинизма, как я потом понял, за этими резкими выступлениями скрывалось и другое: борьба группы Шелепина, которую кое-кто называл «группой молодых», против Брежнева и его окружения. Как известно, это окружение состояло в основном либо из украинцев, либо из людей, много лет живших на Украине. Сам Брежнев там родился и работал почти все время до Москвы. Мне не только претила такая явная и агрессивная борьба за власть, но и было крайне неприятно слышать такие шовинистические выступления на Президиуме ЦК. Я был лучшего мнения о Шелепине. Я считал, что он умнее Брежнева, больше работает, больше понимает. Но после такого эпизода я подумал, что одна группировка не лучше другой.

Это опять вернуло меня к мыслям об отставке, которые появились после октября 1964 г. и все время не давали мне покоя. Примитивизм и безответственность команды Брежнева и других в Президиуме ЦК мне претили. Мое мнение мало что могло изменить, так как они все спелись между собой, но я не намеревался быть с этой командой в любом случае. Работать, не имея возможности влиять на решения и события, оставаться, только чтобы числиться, я не умел и не собирался. Правда, трудно было, работая всю жизнь, не считаясь со временем и силами, остаться без дела, но я уже начал писать воспоминания, и это новое дело меня увлекло. В ноябре 1965 г., когда мне исполнилось 70 лет, я выступил перед сессией Верховного Совета СССР с просьбой об отставке. Просьба была удовлетворена. Думаю, сделал я это вовремя.

Серость и цинизм, низкий политический уровень большинства Президиума ЦК и секретарей ЦК делали для меня бессмысленным

продолжение работы в такой команде. Я им тоже уже казался, скорее всего, «инородным телом» и был не нужен. Сам Брежнев оказался человеком без своего мнения. Помню, как Суслов и его чиновники из отдела пропаганды ЦК начали «дело Даниэля и Синявского».

Это дело очень походило на позорную войну Хрущева против Бориса Пастернака. Тогда тоже со страниц газет не сходила площадная ругань в адрес поэта, которая уронила во всем мире престиж нашей партии и государства. Находясь в США в январе 1959 г., я мог убедиться, как ловко антисоветская пропаганда использовала эту историю. И было бы глупо ее не использовать. Хрущев удивительно умел настроить против себя интеллигенцию. Так что настоящий вред я вижу не столько в шумихе за рубежом, сколько в том, что вбивался клин между интеллигенцией и партией у нас в стране. Когда-то Сталин сделал это массовыми арестами и другими преследованиями творческой интеллигенции. Например, разносом Шостаковича и Хачатуряна за их музыку — а что он в ней понимал? Или Зощенко и Ахматовой?

Хрущев, как ни странно, пошел по его стопам. Он даже прямо говорил, что линия Сталина в искусстве и литературе была правильной. Не аресты, конечно, он имел в виду, а проработки то одних, то других по выбору отдела пропаганды ЦК. И здесь проявилась его непоследовательность: разрешил публикацию Солженицына, что было правильно, и преследовал молодых поэтов, получивших большую популярность. Я лично знал Евтушенко, и он мне понравился. Впервые мы близко узнали друг друга на Кубе в 1962 г. Талантливый, умный человек, с чувством ответственности за все, что происходит. В этом ведь вся традиция русской литературы XIX и начала XX в., еще до советской власти. Потом кто-то натравил Хрущева на художников, видимо, Ильичев с Сусловым. Я был на Кубе тогда, поэтому не знаю предыстории, но Хрущева легко было настроить при его недоверии к интеллигенции: сказывалась его неинтеллигентность и отсутствие образования. Одна история с выставкой в Манеже в 1962 г. чего стоила!

Я тогда только что прилетел с Кубы, прямо из аэропорта поехал на кладбище к могиле Ашхен с цветами, взятыми с собой из-за океана. Я был подавлен и утомлен перелетом после 25 дней трудных переговоров в Нью-Йорке, Гаване и Вашингтоне. Не хотя я пошел с Хрущевым и с другими членами Президиума ЦК в Манеж. И уж лучше бы не ходил. Пришлось присутствовать при безобразных сценах, которые Хрущев устраивал там. Еще были встречи с творческой интеллигенцией на государственной даче под Москвой, где Хрущев обрушился на двух уважаемых

и заслуженных женщин: Мариэтту Шагинян и Маргариту Алигер, уж не помню за что. Но я чувствовал стыд за руководителя нашей партии. Попытался приободрить их, провозжая к выходу с территории. Я их знал лично и встречался с ними иногда уже после отставки Хрущева. Прекрасные люди, труженицы, настоящий цвет интеллигенции. Уж лучше не устраивать таких встреч, если они превращаются в скандалы для одних и обмен любезностями с другими.

И вот теперь, оказывается, то же самое: на этот раз — без Хрущева, при руководстве Брежнева, — обрушилось на двух писателей. Как будто все сговорились оттолкнуть интеллигенцию от партии. Невероятно! Я зашел к Брежневу (был еще членом Президиума ЦК и Председателем Президиума Верховного Совета), долго внушал ему, что никакой пользы не будет от такого разноса за публикации под псевдонимами за рубежом, а тем более суда над писателями, о чем уже говорили всерьез. Старался находить слова и аргументы, понятные для него. И убедил. Вместо уголовного суда он согласился ограничиться товарищеским судом в Союзе писателей. Но уже на следующий день узнаю, что уголовный суд будет — это решение Брежнев принял после того, как к нему зашел Сулов. Такая неустойчивость и безразличие к интересам дела меня просто поразили. С ним невозможно было работать. Он проявлял паразитическое непонимание политических вопросов, как это видно и из эпизодов, описанных выше.

Совершенно неожиданно для меня группировка Шелепина в начале 1967 г. обратилась ко мне с предложением принять участие в их борьбе против группировки Брежнева. С июня 1966 г. я уже не был в составе Президиума ЦК, но членом ЦК и членом Президиума Верховного Совета оставался. И вот мне сообщили, что группировка Шелепина недовольна политикой Брежнева и что ее поддерживает большинство членов ЦК. В начале 1967 г. мне предложили принять участие в борьбе против Брежнева: выступить первым, исходя из моего авторитета в партии, после чего они все выступят и сместят Брежнева с поста первого секретаря. Это предложение сделали, конечно, тайком, через моего младшего сына. Сын добавил от себя, что его заверили, что я буду восстановлен в Президиуме ЦК и т. д. Я ему передал мой ответ примерно так: «У меня нет никаких личных оснований быть на стороне Брежнева и его окружения, а тем более защищать его. Однако это вопрос политический, и я не вижу, с какими политическими аргументами и собственными намерениями группировка Шелепина выступает. Уже поэтому я не могу выступать застрельщиком в их борьбе. Пусть поставят вопрос на пленуме ЦК: выскажут пре-

тензии, сформулируют свою программу действий. Тогда каждый член ЦК, в том числе и я, сможет решать, как себя вести. И я буду выступать и голосовать, исходя из политических соображений, а не из личных, тем менее карьерных».

Кончилось же дело тем, что секретарь МК Егорычев, соратник Шелепина, выступил на пленуме ЦК с резкой, но малообоснованной критикой Министерства обороны и ЦК в руководстве этим министерством: Москва, мол, плохо подготовлена к внезапному нападению со стороны США. В ответ выступили маршалы и генералы, возразившие, что Егорычев не может судить, ибо ни разу не бывал на совещаниях по этим вопросам, хотя является членом Военного совета Московского военного округа. Брежнев понял эту вылазку как начало открытой борьбы против него. После этого пленума Шелепин был переведен в ВЦСПС, а позже выведен из руководства и отправлен на пенсию. Егорычев уехал послом в Данию, а Семичастный отправлен на партийную работу в Сумскую область на Украине.

